

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> приятного чтения!

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов

ЗАПИСКИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ "ЗЛОПОЛУЧНЕЙШИМ ИЗ ЛЮДЕЙ"

29 сентября

. утешится и отрет слезы. О, без меня она, верно, плакала! Мы, мужчины, гораздо хуже женщин. Наши чувства, привязанности, страсти, стремления слишком разделены: мы хотим всё обнять и потому не обнимаем ничего. Мы ни к чему не можем привязаться постоянно, глубоко, беспредельно: десять идей в голове, двадцать привязанностей в сердце, дюжина фантастических образов в воображении – и всё в одно время, в один час, в одну минуту! Женщина... о, женщина совсем другое дело! Женщина может вся предаться одному чувству, вылить все страсти свои, все помышления, все порывы в одну форму, – женщина может любить сильно, глубоко, беспредельно. Она плакала... о, верно, плакала!.. А я... Не может, – я в том уверен, – не может ни в одной груди человеческой поместиться столько любви, сколько кипит в груди моей, не любил так Тассо свою Элеонору, не любил так Петрарка Лауру свою и не будет так любить ни один будущий поэт, ни один романтик, как люблю я мою Зенаиду... и между тем – когда мы расстались – день я вздыхал, день зевал, три дня скучал... и только! На пятый день я уже метал банк... сердце мое сильнее билось при взгляде на семерку пик, которая была виною моего проигрыша, чем при воспоминании о ней... И я еще хвастал моею любовью!

Как я приду к ней?.. Мне будет стыдно, я покраснею за себя, за свои чувства, моя любовь побледнеет пред ее любовью, как бледнеют звезды ночи пред пышным, ослепительным блеском восходящего солнца! Женщины лучше мужчин вдвое, втрое, в тысячу раз!..

30 сентября

Я проснулся. Девять часов утра. Боже мой! как мне дождаться урочного часа, когда, не нарушая условий света, я могу наконец увидеть ее?.. Зачем эти условия?.. Безрассуден человек: сам себя оковал он цепями и не может ступить шагу, чтоб не наткнуться на какое-нибудь препятствие, им самим изобретенное. Я приехал поздно... Был двенадцатый час ночи... Что нужды? Я полетел бы к ней тотчас, и радость наша озарила бы для нас темноту ночи, вывела бы солнце краше весеннего пред наши глаза... Целые двенадцать часов тяжкого, томительного, беспокойного ожидания... двенадцать часов муки вместо двенадцати часов счастья... ужасно! Стану читать книгу... А... часы начинают бить... Каждый удар их отзывается в моем сердце... семь, восемь... девять... десять... еще удар, еще... ради Брегета!.. Я не выдержу... я разобью часы... я расшибу себе голову... Вот я у стены... Слава богу, я в пору опомнился! Я не разбил ни головы, ни часов: часы стоят денег; голова ничего не стоит, но она мне нужна, нужна, потому что без головы я не могу идти к ней: неприлично!.. Буду ждать... Вот на потолке нарисован китаец: какая глупая, довольная, добрая физиономия! Как завидую я его спокойствию!.. Что такое? он, кажется, надо мной смеется?.. Дурак! ему непонятно мое волнение! он никогда не чувствовал любви и не будет ее чувствовать: он китаец! Смотрите: он язвительно улыбнулся, он, бездельник, так странно вытянул губы, как будто хочет плюнуть мне в лицо... Вот я же его... Что я делаю? Вообразите, я схватил "Маяк" и хотел швырнуть им в китаеца, – любовь лишает меня рассудка! Буду опять читать книгу...

Чрез несколько часов {*}

{* Здесь рукопись молодого человека писана так неразборчиво, что решительно нельзя понять, о чем идет дело. Ав<тор>..}

. . . ая...читать . . . кровь . . . ад . . . рога . . . кладбище . . . развалины . . .
человечья . . . коварная труп пистолет

1 октября

Я убедился на опыте... я готов присягнуть - женщины хуже мужчин во сто, в тысячу, в миллион раз!..

У мужчины есть душа пылкая и впечатлительная; мужчина может чувствовать глубоко и благородно, любить сильно и бескорыстно. Женщина! О, не ждите от женщины ни истинной любви, ни постоянной привязанности: ветер в голове, ветер в сердце, ветер в воображении! Существа пустые и мелкие, великолепные при тусклом бальном освещении, бледные при дневном божем свете, красивые снаружи, отвратительные внутри, всегда занятые собою, всегда кокетки, всегда сплетницы, всегда изменницы - вот женщины!.. Страшно, когда подумаешь, сколько черных пороков, дурных наклонностей, непростительных помыслов, сколько безрассудства и легкомыслия скрыто иногда под самую очаровательную, магнетическую наружность! Больно за человечество: скольким еще суждено обмануться, упасть с неба на землю - в грязную, нечистую, зловонную лужу разочарования! О, да померкнут очи у лицемерной красавицы, когда она с любовью наведет их на пылкого, доверчивого юношу, - да онемеют уста ее, когда трепетным, проникающим в душу голосом залепечет она ему слова любви, которой не чувствует, - да превратится в камень рука ее прежде, чем она донесет ее до раскаленных уст безрассудного... О, не верьте, не верьте, - если вы не хотите быть обманутыми, - когда женщина говорит вам: "Я люблю тебя"; переводите слова ее: "Я тебя обманываю", - и клянусь вам небом, клянусь опытом, который дорого достался мне, клянусь жизнью и всей китайской империей, - вы не ошибетесь...

--

2 октября

. Ночь. Спит небо, спит земля,

спит город, спит каждое здание огромного города, а я не сплю! Спят люди честные и низкие, великие и малые, бедные и богатые, спят графы и булочники, кондитеры и чиновники, журналисты и шарманщики, воры и книгопродавцы, спят, может быть, даже нищие и убийцы, - а я не сплю!

Не сплю!.. Когда земля повернется другою своею стороною к солнцу - а ту, на которой живу я, оставит во мраке - и вся жизнь органическая, лишенная теплоты и света, измученная заботами, страстями и недугами дня, повергнется в оцепенение - увы! столь непродолжительное! - мне становится легче... Строгая, девственная тишина ночи согласнее гармонирует с унылым, однообразным ропотом души моей, чем разнохарактерный, скрипучий шум буйного дня. Огромные массы мрака, черные складки мантии, в которую ночь одевает природу, плотно прячут меня от глаз ненавистного света, а солнце?.. солнце предательски выдает меня: оно каждый день выставляет напоказ мою тоску, мои муки, мои раны сердечные!..

...Изменить!.. Да, она мне изменила. Напрасно стал бы я уверять себя в противном: факт слишком очевиден!..

--

5 октября

Не говорите мне, отчего так скучно, тяжело и страшно - человеку на белом свете. Я сам знаю причины. Я их вам расскажу по порядку... Оттого, друзья мои, что свет черен и неблагороден, что не уверен человек даже в том, - тверда ли земля, на которой он стоит, чист ли воздух, которым он дышит, безвредна ли пища, которую он употребляет; оттого, что на каждом шагу рискует человек сломить себе шею, сделать глупость, прослыть философом, быть укушенным бешеною собакою или обманутым коварною женщиною!

Мне тяжело, скучно и страшно на свете... случись со мной лет десять назад такая история, я непременно бы застрелился или повесился. Теперь, когда самоубийство

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru всякого рода сделалось самую пошлою спекуляцией) на внимание почтеннейшей публики – из всех спекуляций, какие я знаю, – мне ничего более не остается, как писать свои записки...

Итак, буду писать записки.

Мы росли вместе. Под одним градусом долготы и широты бились наши сердца в продолжение восьми лет, одним воздухом дышали мы, одни и те же картины природы окружали нас с детства, под влиянием одинаковых обстоятельств развились в нас первые понятия о природе, о праве, о человеке; одну землю топтали мы; одно небо было над нами; по одному букварю учились мы русской грамоте. Наша юность была тождественна во всех отношениях... И между тем какая разница, какая ужасная разница!..

Некто, надворный советник и кавалер, человек сметливый и почтенный, который в семь лет схватил пять чинов и двести тысяч наличных денег, выстроил на имя жены дом в Петербурге и купил деревню в *** ской губернии, человек стойкий, прямой, доброкачественный, – дал жизнь существу, которому суждено было впоследствии обмануть меня. Его звали Супонев. Отец мой был бедный помещик, живший в селе, где ему принадлежало 23 ревизеских души, ветряная мельница и восемьдесят десятин строевого и дровяного леса, о которых, впрочем, доньше производится тяжба. Отец мой любил страстно охоту: у него было ружье, которое било на сто двадцать шагов, и собака – удивительная собака! – которая, по словам отца моего, была полезнее, умнее и расторопнее всякого "человека". Если взять в расчет, что шестеро лакеев, составлявших дворню моего отца, были все негодяи, лентяи и пьяницы, – то тут и нечему удивляться... О собаке моего отца ходили по всему околodку удивительные анекдоты, которые вскоре составили колоссальную репутацию не только самой собаке, но даже и моему отцу: так лучезарный ореол славы, окружающий чело всякого человека, бросает приятный блеск и на его приближенных; так гений великого актера, певца и музыканта заставляет видеть что-то необыкновенное и в дюжинных талантиках посредственностей, пользующихся его покровительством.

В сторону сравнения. На сцену является собака. Ее достоинства неисчислимы, ее добродетели изумительны. Она узнает, отыщет и принесет вещь своего хозяина, где бы вы ее ни потеряли, куда бы ни спрятали; она по первому указанию сорвет шляпу с прохожего, будь он хоть статский советник; ее можно посылать в лавочку за чем угодно: она не украдет ни копейки, ничего не съест и не испортит. Она будет лежать, ползать, ходить на задних лапах, делать всё, что прикажет хозяин. Она достанет дичь со дна моря. Она даже знает русскую азбуку.

Последнее обстоятельство особенно поразительно. Оно не шутка: я сам был не раз ему свидетелем. Я также не солгал, сказав, что собака составила репутацию моему отцу: все соседи любили и уважали его по собаке. Они почти каждый месяц наезжали к нему в значительном количестве, привозя с собой в подарок – кто муки, кто гусей, кто шампанского, кто повара и так далее. Зачем?... Неужели их честолюбие могла льстить короткость с бедным помещиком двадцати трех душ мужеска и тридцати шести женска пола?... Очевидно, что магнитом была собака. Каждое посещение соседей было истинным торжеством для моего отца. С самого раннего утра и до поздней ночи под непосредственным надзором и руководством моего отца собака выделяла свои гениальные фокусы, и хохот был гомерический. Когда наконец запас фокусов истощался, энтузиазм зрителей готов был погаснуть и самая собака, изнуренная продолжительной деятельностью и голодом, готова была протянуть ноги, – отец мой приказывал ей стать на задние лапы, брал кусок говядины, бережно клал на нос собаки и быстрым мановением рук и бровей давал знать зрителям, чтобы они ждали чего-то необыкновенного. Тотчас воцарялось глубокое молчание. Отец мой, поводя указательным пальцем от своего носа до собачьего и обратно, произносил с расстановкою:

Аз,

Буки,

Веди,

Глагол,

Добро,

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Есть...

При последнем слове, произнесенном значительно усиленным голосом, собака делала быстрое движение, кусок летел вверх, она на лету подхватывала его и пожирала...

Если б я писал историю собаки моего отца, то должен бы был посвятить описанию ее подвигов весь мой досуг, но я пишу собственно свою историю и потому в коротких словах доскажу о собаке то, что собственно нужно для моей истории...

Супонев был также страстный охотник; ружей у него была целая дюжина, собак еще больше; но ни одна из них не могла сравняться с собакою моего отца. Как ни вкусны были обеды надворного советника и кавалера, однако ж соседи охотнее посещали моего отца или, правильнее сказать, собаку моего отца. Тайная зависть раздирала сердце надворного советника; он пожелал приобрести собаку покупкою. Сумма, которую он решился пожертвовать, возвышаясь по мере отказов моего отца, сделалась наконец так значительна, что на нее можно бы купить человека, но родитель мой, при всей своей бедности, выдержал свой характер. Он не отдал собаки! Не могу без сердечного трепета вспомнить о борьбе, которая происходила в душе и отражалась на лице его, когда он делал свое торжественное отречение... Налив собственноручно стакан водки "дворецкому", который приезжал к нему с письмом и деньгами за собакой, отец мой сказал:

- - Не могу... желал бы, душевно желал бы угодить Андрею Никифоровичу, - но, видит бог, не могу! Без Кастора я - как без головы; мне, старику, не привыкать жить на свете без него, когда привык жить с ним издавна. Всё готов сделать для Андрея Никифоровича: Кулебяку {Имя лошади.} отдам; стану ездить на Васькиной Соломониде. {То же.} Пусть кого хочет из людей возьмет, хоть Сидора: он малый непьющий, проворный, и дичь ли какая летит, заяц ли притаился в меже - прежде всех заподозрит... И жена у него такая бойкая: мастерица рубашки шить и всякое женское рукоделье для мужчин... А Кастора отдать не могу. Так и скажи своему барину. Пусть не сердится.

- - Не отдавайте, не отдавайте, папуся! - подхватил я умоляющим голосом. - Я заплачу!

Отец мой поцеловал меня, назвал "своим карапузиком" и сказал: "Не бойся".

Я сел верхом на Кастора и закричал: "Ну, ну, ну, Кулебяка", подражая моему отцу, который обыкновенно понукал так свою лошадку, выезжая на охоту... Знай я тогда, что подражание дело нехорошее, я бы непременно придумал какое-нибудь свое восклицание: я был мальчишка преостроумный!

Увы! отец мой! зачем ты не сдержал своего слова? Зачем нежность твоя к единственной отрасли твоего рода победила в тебе привязанность к собаке? Если б ты до конца жизни своей был верен себе, я не испытал бы тех несчастий, которые теперь обрушились на мою голову, я не узнал бы ее, не привязался бы к ней (вы понимаете, что не о собаке здесь идет дело) всеми силами души моей и не был бы ею обманут!.. И зачем мне, наследнику твоего имени и твоих двадцати трех душ, твоей Кулебяки и Соломониды, - было дано то воспитание, на которое ты пожертвовал счастьем последних дней твоей жизни и которое, увы! конечно не по твоей вине, сделалось для меня пагубным!

Не стану подробно описывать, какие средства в течение нескольких лет употреблял Супонев для того, чтоб завладеть нашею собакою. Доскажу коротко.

У Супоневой была дочь. Когда ей минуло восемь лет, Супонев нанял француза, французенку и отставного старшего учителя какого-то училища для ее воспитания. Когда наконец все меры и кроткие и некроткие истощились и не повлекли за собою никакого успеха, - Супонев сделал отцу моему предложение, против которого отец мой не мог устоять...

Супонев писал:

"Павлуше вашему уже, кажется, тринадцатый год: нынче дворянин не может остаться без воспитания, его даже в службу не примут. Я нанял учителей и гувернантку для моей дочери, пусть же, думаю, учится у них и ваш Павлуша: всё равно едят мой

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru хлеб и жалованье получают; по крайней мере сделаю добро соседу: он человек небогатый, поведения, как мне известно, хорошего и никаких дурных поступков за ним я не замечал. Павлуша будет у меня жить и учиться всему, чему будут учить дочь мою: француз – по-французски, на скрипке, светскому обращению и танцевать, немка – по-немецки, на фортепьяне и вышивать по канве, шить бисером и по тюлю, Поношенский – русской грамоте и письму и всему, чему он там учил; закону божию – священник. Не упущено ничего, чтоб дочь моя была воспитана прилично рангу и состоянию. Павлуше вашему не мешает. Присылайте-ка его; никаких расходов вам не будет. Да уж присылайте с Павлушей и Касторку. Мальчик привык к собаке и, верно, расставшись с вами, будет скучать об вас: собака его утешит. Вы также очень меня обяжете, если будете навещать... и проч..."

Отец мой сразу понял, в чем дело. Слезы брызнули ручьями из глаз старика. Страшная борьба заметна была на лице его; видно было, что он на что-то решался.

– Павлуша, – сказал он после продолжительного молчания, – ты поедешь сегодня к Андрею Никифоровичу и там останешься. Кастора отправ...

Слезы помешали ему кончить. Он обвел глазами комнату: Кастор был тут. Он лежал среди комнаты в самом живописном положении, – в каком изображают львов перед подъездами богатых домов, – глаза его сверкали умом и довольством; мускулы двигались, баранью кость он грыз и весело визжал...

По временам умное животное взглядывало на своего хозяина и приветно вертело хвостом. Лицо моего родителя было мрачно. Он шептал про себя несвязные слова, из которых я мог только расслышать: "Отец всем должен жертвовать... счастье сына... не примут на службу... да будет воля господня!"...

Я не понимал ничего, но сам готов был заплакать: такова была горечь старика...

Сцену, происшедшую при прощании, по справедливости можно назвать раздирательною: Кастор разодрал мешок, в который принуждены были запрягать его, выскочил из повозки и бросился к моему отцу... Его поймали и опять посадили в повозку, со связанными ногами...

Жалобный вой Кастора и громкое рыдание моего отца долго оглашали окрестности... Я не плакал... Жаль, что те, которые в стихах и прозе сожалеют о "прекрасных днях невозвратного детства" и называют его лучшим возрастом жизни, не берут в расчет подобных обстоятельств!

Собака выла. Я с жадностью пожирал пирог с печенкой, который испекла мне на дорогу няня Тарасьева. Я дал кусок собаке: она жалобно посмотрела мне в глаза, понюхала пирог и опять завывала пронзительно; кусок остался нетронут. Позже, вечером, я общипал поверхность его, которой касались губы собаки, а остальное съел с большим аппетитом.

Когда я доедал последнюю крошку, вдали показалась церковь и вскоре начали являться дома села ***"...

Лягу спать...

-- --

15 октября

Целые десять дней я не брал пера в руки: мне было не до пера! Ужасная весть об ее измене не выходила у меня из головы: я бесился как иступленный, я плакал как ребенок, я проклинал, как Байрон... Меня звали к ней... Зачем я пойду к ней? Чтоб довершить муки своего сердца, чтоб увидеть ее счастливою с другим... О, никогда!

Я сумасшедший, я дурак первой руки: целые десять дней я думал о том, что можно было решить в одну минуту.

"Быть или не быть", "идти или не идти" – не выходило у меня из головы...

"Незачем!" – ясно как день – "незачем!"

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Не пойду к ней. Стану продолжать свои записки.

Благодаря собаке, которой в доме Супонева ждали все с необыкновенным нетерпением, я был принят прекрасно. Мне дали на завтрак одного кушанья с нею. Супонев обласкал меня и сказал, что будет моим вторым отцом; я поцеловал ему ручку... глупый поступок!.. Г-жа Супонева сказала, что я "жантиль", и дала мне ватрушку с вареньем; я поцеловал ей обе ручки, и мне сделалось тошно: от "ручек" пахло свиным салом и огуречным рассолом. С тех пор я получил чрезвычайное отвращение от целования чьих бы то ни было рук, - за что много терпел как в доме моего "второго отца", так впоследствии и во всем белом свете... Все кучера и бабы из кухни, все девки из девичьей, целая стая борзовщиков, доезжачих, подъезжих из псарни, - словом, всё, что было в доме живого, сбежалось в прихожую и смотрело сквозь полурастворенные двери на новоприезжих: со всех сторон раздавалось мое имя, сопровождаемое громкими похвалами собаке. Я был на седьмом небе. Вдобавок ко всему - я увидел Зизи!

Забуду я сладость первой конфетки, забуду тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать высуня язык, когда я увидел в "Сыне отечества" первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен, забуду вас, расстегаи и танцовщицы, вас, устрицы и шампанское, тебя, душеоживительный, мятежный банк, где человек живет полно и совершенно, где все нервы напряжены, все страсти возведены в квадрат и душа ежеминутно просится на карту вместе с последним рублем, забуду вас, балы Американского клуба, вас, громкие, славу и торжество знаменующие вызовы Александрийского театра, вас, буйные ночные прогулки по Невскому проспекту, -

И вас, красотки молодые,

Которых поздней порой

Уносят дрожки удалые

По петербургской мостовой, -

забуду всё, - но не забуду, никогда не забуду той минуты, когда в первый раз увидел ее! То была минута великая и решительная, которая имела влияние на всю мою жизнь...

Я красноречив, когда говорю о собаке, но бледно слово мое, когда я заговорю о себе. Как будто на язык сядет типун, как будто сверхъестественная сила скует мысль свободную и готовую плавно излиться, как будто заяц перебежит дорогу слову резкому и выразительному. Лучше не говорить о себе...

К обеду пришли француз Бранказ, маркиз (по словам хозяина), немка Шпирх, баронесса (тож), и русский учитель Поношенский. Француз был настоящий француз: вертелся на одной ножке, пел куплеты, присвистывал, льстил хозяину, любезничал с хозяйкой и болтал за семерых, болтал живо, умно, занимательно. Немка, - в когда-то голубом, а теперь сине-сером капоте, в зеленой шляпке, бледная, сухая, стройная и длинная, как дреколье, - с первого взгляда напомнила мне кабак: серый шест, примкнутый к углу полуразрушенного дома, и наверху зеленая елка - девиз заведений такого рода - мог бы безбоязненно отлучиться с своего поста на какое угодно время, если б за него согласилась постоять баронесса: никто бы и не заподозрил подлога! Поношенский был в длинном темно-зеленом сюртуке и рожу имел чрезвычайно рябую; мало сказать, что на ней черт в свайку играл, нужно бы выдумать что-нибудь посильнее. Он говорил протяжно, нараспев, как драматические актеры теперь уже не существующей школы, почти при каждом слове описывал около себя рукою полукруг и слегка наклонял голову, причем француз, если он тут случался, обыкновенно делал то же, сердонически улыбаясь и выразительно поглядывая на хозяина, который, как увидим ниже, был большой пересмешник.

Все они, француз, немка и русский словесник, вошли в комнату почти в одно время, таща огромную корзину грибов, за которыми имели привычку ежедневно отправляться после уроков. Француз был впереди и пилась задом в комнату, передразнивая голосом рябого словесника, который сильно кряхтел, а глазами и губами - немку, которая с умилением смотрела в корзинку, выбирая грибок поменьше и покрасивее

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru для поднесения своей маленькой ученице. Но план ее не удался: как скоро корзинка была внесена и поставлена, француз схватил из нее гриб наудачу и поднес Зизи, говоря, что он во всем лесу нарочно выбирал лучший для нее и насилу выбрал. Немка сделала кислую рожу, и замечание Андрея Никифоровича, что баронесса "съела гриб", было очень кстати.

Хозяин отрекомендовал меня моим будущим наставникам, и я был принят ими дружелюбно. Собака приняла их различно. По тайному знаку хозяина, она во мгновение ока сорвала зеленый бант с головы немки Шпирх и свихнула, в припадке сильного усердия, самую гребенку Анны Ивановны с ее надлежащего места; две пряди рыжих волос спустились вниз и скрыли от очей наших гневное чело гувернантки. Потом собака, без всякого знака с чьей-либо стороны, так ловко схватила за левую ногу профессора словесных наук, что крик ужаса, вылетевший из груди его, напугал самого хозяина. Все стали его успокаивать, и благодарный словесник, желая в свою очередь успокоить всех, сказал с улыбкою и со вздохом: "Ничего, я еще благодарен собаке; боль невелика, а между тем она возобновила в моей памяти одно из приятнейших воспоминаний: мне пришли на мысль те счастливые времена невозвратной юности, когда, бывало, меня сек учитель в школе". После того словесник опять вздохнул; целый день он был в самом романтическом расположении духа и рассуждал с французом о том, как бы сделать, чтобы ему опять было лет восемь и он бы прошел бы все курсы – риторику, философию и проч., – взял бы жену, завелся бы детьми и дослужился до пенсионера. Француз отвечал, что он давно из Парижа и потому хорошенько не знает, а там его соотечественники уж верно выдумали какой-нибудь способ или скоро выдумают... С одним только французом у собаки не вышло никакой истории: он очень скоро подружился с нею и своею угодливою любезностию разогнал даже несколько ее уныние...

Но что я делаю?.. Я взял перо с тем, чтобы сбросить на бумагу горе, раздражающее мою душу, перелить в звуки стоны и жалобы, ежеминутно исторгаемые из моего сердца мыслью об измене Зизи, заклеить ее печатно позорным клеймом изменницы, а между тем наполнить страницы моих записок историею людей почти посторонних в моем рассказе. Конечно, предлог весьма благовидный. Пользуясь им, я мог бы написать четыре тома, где обрисовал бы широко и подробно всех, о ком только придется упомянуть; надел бы шутовской колпак на француза, размалевал бы румянами и белилами физиономию немки и заставил бы ее пылать огнем любви к профессору словесных наук, а профессора обожать втайне не имеющую привычки мыть руки хозяйку, а хозяйку сгорать от любви к французу, словом, я мог бы заварить страшную кашу, – но великодушию моему нет предела: те, которые будут читать мои записки, ничего такого в них не найдут. Я кончу очень скоро. Я только познакомлю их с моим вторым отцом, с которым необходимо им познакомиться, и перейду к себе...

Подробное описание носа и добродетелей моего второго отца в сторону: предмет слишком сложный, требующий большого описательного таланта, которого я не имею. Скажу лучше несколько слов об его характере. Характер Андрея Никифоровича во второй половине его жизни нечаянно получил направление сатирическое. В первую половину жизни благодетель мой служил и был занят тем, что разумеют под словом "благоприобретать"; ему было не до сатиры: он сам тогда мог бы служить предметом сатиры. Но перед самою покупкою деревни и отъездом туда, бывши на обеде у Андрея Никифоровича, один сочинитель, журналист – травленный волк, по поводу какой-то неумышленной остроты моего второго отца сказал с громким хохотом: "Браво, Андрей Никифорович! Да вы там, в деревне, всех засмеете, первым человеком будете не только по богатству, и по уму! Вы и здесь не последним бы сочинителем были: направление такое благонамеренное, нравственно-сатирическое, и слог даже в разговоре виден, ей-богу, право, клянусь женой, детьми! В сотрудники бы взял: тысячу рублей в месяц, вот хоть сейчас деньги, да знаю, что не пойдете!" С той минуты цель остальной жизни моего второго отца была определена. Целый вечер он острил без умолку, кстати и некстати; все хохотали, потому что угощение было отличное, журналист – травленный волк хохотал громче всех. Уезжая поздно ночью домой, он снова повторил предположение, что Андрей Никифорович засмеет в провинции наповал всех соседей, и попросил займы тысячу рублей денег, но получил только семьсот, но причинам, которые мне неизвестны.

Андрей Никифорович острил бесчеловечно; если б я имел охоту припоминать его остроты, то мог бы надоесть самому терпеливому читателю. Каждому в доме и в околдке была у него своя особенная кличка; он изобрел титул маркиза – французу, баронессе – немке и не называл иначе наставников своей дочери, как маркизом, баронессою. Почти ежедневно он придумывал и приводил в исполнение какой-нибудь замысловатый фокус-покус; у него были тысячи поговорок, прибауток и остроумных

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru изречений, которые он сыпал за собою как бисер. Словом, остроумие Андрея Никифоровича после собаки моего отца составляло один из главных предметов удивления всего нашего окологка. Француз тотчас понял слабую сторону моего отца и прекрасно ею пользовался; словесник, на которого преимущественно направлялись стрелы остроумия хозяина, каждый раз, как бы шутка ни была груба, замечал очень серьезно, что кому бог дал остроумие, так на то и дал, чтобы острить,- и сердиться тут так же неприлично, как сердиться на бритву за то, что она хорошо бреет. Немка, при беспрестанных намеках на свои рыжие волосы, нередко выпрашивала, в виде прибавки к жалованью, денег на парик, но парика не покупала. Всё обстояло благополучно...

Настал час обеда. Профессор словесных наук, обязавшийся контрактом развивать, между прочим, в своей ученице поэтическое направление и носивший в груди своей поэтические начала, поставил себе за правило ежедневно отпускать по экспромту. На сей раз он взглянул в окно и, улучив удобную минуту, произнес торжественно:

Светило дневное взошло превыше ели,
Но мы еще досель ни крошечки не ели!

Хозяин громко захохотал, хозяйка приказала подавать на стол. Сели обедать. Обед был для меня пыткой. Андрей Никифорович обратился к маркизу, к баронессе и к Поношенскому с комически-серьезною речью, в которой поручал меня их ученому покровительству и просил, чтобы они "сделали из меня человека". Поношенский заметил, что, не зная, до какой степени я силен в науке, он не может покуда определить с точностью времени, нужного, чтобы сделать меня человеком. Хозяин предложил проэкзаменовать меня. Начали задавать вопросы. Я отвечал невпопад, краснел и бранил про себя профессора словесных наук. Заметив мое замешательство, или по другой какой причине, хозяин попросил мудрых наставников замолчать и взялся сам докончить мой экзамен. Много, по разным наукам, задавал мне вопросов остроумных надворный советник, но я, к сожалению, помню из них только четыре: один из логики и три из арифметики. Они очень замысловаты. Я их приведу здесь для пользы родителей и экзаменаторов...

Вопрос из логики: у Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет - кто им был отец?

Признаюсь, я было сначала стал в тупик. Но когда сообразил, что называться сыновьями люди могут только в отношении к своим отцам, то смело отвечал:

- - Ной!

Единодушно "браво" сопровождало ответ мой, и общим советом решили, что логику я знаю прекрасно.

Вопрос из арифметики: летело семь журавлей: двух охотник убил, да три улетели - много ли осталось?

- - Два! - отвечал я несколько не задумавшись, наудачу.

Снова раздалось "браво", и хозяин серьезно заметил, что я "мальчишка преостроумный".

- - Если он,- прибавил Андрей Никифорович,- решит мне еще вопрос из арифметики, то я его награжу чудесно.

Острота произвела потрясение: все захохотали, а словесник, отличавшийся, между прочим, и необыкновенною ловкостью, задел локтем тарелку соседки своей и тарелка, упав на пол, расшиблась вдребезги; соус, бывший на тарелке, до полу не достиг: на пути он встретил капот рыжей немки, на котором и поместился очень удобно.

Немка дико и невразумительно проворчала "абшейлих", а словесник в оправдание свое заметил, что "Андрей Никифорович вечно скажут что-нибудь такое, от чего невольно приходишь в самозабвение". Затем воцарилась тишина. Андрей Никифорович скорчил серьезную мину и произнес с расстановкою:

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
– – Еще вопрос из арифметики:

У семидесяти семи мышей

Много ли ног и ушей?

Ободренный удачею первых двух ответов, я, без малейшего замешательства, отвечал бойко и самоуверенно: "Двадцать пять!"

Все засмеялись; я смешался ужасно. Спасибо, француз принял мою сторону и сказал, что подобного вопроса нельзя решить в одну минуту, что он требует глубоких соображений и прочая. Положено было отложить решение до вечера.

Вечером дали мне аспидную доску и грифель. Я решил вопрос в две минуты. Тогда Андрей Никифорович нарисовал на доске небольшой четверугольник и, разделив его вдоль и поперек черточками, приказал мне расположить в маленьких четверугольниках "разные цифры" в таком порядке, чтобы, как ни поверни, с которой стороны ни зайди, поперек ли, вдоль или накось, всячески выходило бы пятнадцать. Я не понял решительно, чего он от меня требует, и сказал, что мы с дьячком, который в доме родительском учил меня арифметике, до такого правила еще не добрались. Андрей Никифорович выбрал дьячка и сказал:

– – Ну так я сам тебе покажу, – только смотри у меня: что раз показано – помнись; при гостях заставлю делать: осрамишь ты меня, как забудешь...

И затем Андрей Никифорович начал вписывать в квадратики цифры; где поставит пять, где восемь, где шесть, а иную цифру сотрет, подумает да напишет другую. Когда он кончил, вот какая вышла фигура:

5 7 3

3 5 7

7 3 5

Глупая шутка, но она стоила больших усилий моему тринадцатилетнему рассудку: я насилу вбил ее в голову. Зато и долго помню... Тем и кончился мой экзамен. Началось ученье.

Если б я имел охоту продолжать мои записки, то теперь началась бы самая интересная часть их. Дошла наконец очередь собственно до того, что можно назвать завязкою моих записок. Нужно бы ознакомить читателя покороче с характером Зизи, представить картину наших ребяческих занятий, постепенного освоения, дружбы и, наконец, любви. Следовало бы сделать сцену признания в саду, в беседке или у ручья, в прекрасный летний день, при последних лучах заходящего солнца, потом должно бы описать путешествие в Петербург, житье столичное, разлуку, измену... Знаю я, знаю всё, что следовало бы, но я устал ужасно, мне надоели мои записки...

Пойду на Невский проспект.

– – –

Через неделю

Я ее видел, я говорил с нею...

Удивляюсь, как не лопнула голова моя, как не разорвалось сердце мое, когда я слушал ее страшную исповедь. Дивная женщина! Я благоговею перед тобой! Когда-нибудь, может быть, я набросаю на бумагу конец печальной истории нашей жизни, и люди, подобно мне, придут благоговейно преклониться перед тобою, возвышенная страдальца... Теперь я писать не могу: весь я занят одной тяжелой мыслью, которая, как вампир, всосалась в мой череп и ни на минуту не дает мне

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru покоя... "За что я так несчастен?" Внимательно пересматривая жизнь свою, ищу я причин, которые оправдывали бы враждебные действия ожесточенной против меня судьбы, и теряюсь в догадках.

Я не лъщу дуракам и голосом бешеной собаки не кричу против тех, кто умнее и даровитее меня. Я не утверждаю, что философия – сказка, которая в почете только потому, что она стара и скучна. Я не разделяю мнения многих очень почтенных людей, что умным человеком можно быть только в известные лета и в известном чине. Я не надуваю новичков-книгопродавцев. Я не сержусь и не ругаю на всех перекрестках автора той книги, в которой выведен с дурной стороны человек одних со мною лет и в одинаковом чине. Я не клеветчу. Я не продаю своих мнений. У меня нет той храбрости, которая заставляет людей, делающих подлости на каждом шагу, утверждать, что они живут для блага человечества, хвастать благотворительностью, в которой должно верить им на слово. Я даже не хвастаю дружбою с великими людьми, которых уже нет на свете и которые при жизни называли меня негодяем.

И между тем судьба гонит меня бесчеловечно, и человек мой беспощадно меня обкрадывает... За что?.. Скажите, добрые люди, – за что?

--

* * *

Здесь оканчивается первая половина случайно попавших в мои руки записок молодого человека, который называет себя "злополучнейшим из людей". Следует вторая и гораздо обширнейшая половина, которая начинается словами: "Десять лет я не брал пера в руки" и пр. Почерк молодого человека, к сожалению, чрезвычайно неразборчив и по справедливости может назваться иероглифическим. Разобрать первую половину рукописи было так трудно, что решиться на подобный подвиг со второю я покуда не имею ни охоты, ни времени. Может быть, когда-нибудь, на досуге, я возвращусь к иероглифам "злополучнейшего из людей", и тогда читатели получат конец его записок. Н. П-ий.

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1843, 21 мая, No 12, с. 227-234, с подзаголовком: "Соч. Н. Перепельского".

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. V.

Автограф не найден.

Рассказ написан в расчете на комическое восприятие романтического образа и стиля героя-идеалиста. А. Ф. Крошкин писал: "...мотив относительной бедности героя (обладателя только двадцати трех душ) выражен слабо; основной заряд направлен против его выпренных мечтаний, далеких от жизни" (Крошкин, с. 46). Незадолго до смерти Некрасов, по словам Суворина, так вспоминал о своей молодости: "Идеалисты сердили меня, жизнь мимо них проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплуатировали" (Суворин А. С. Недельные очерки и картинки. – НВ, 1878, 1 янв., No 662). В воспоминаниях Н. В. Успенского приводится эпизод из жизни Некрасова, который мог иметь отношение к истории создания рассказа "Помещик двадцати трех душ": "В первом своем рассказе Некрасов упоминал о каком-то дворянском семействе, в котором он давал уроки детям и где ему не только не платили денег, но едва не морили голодом; вследствие чего он и принужден был оставить означенное семейство. "Вы не можете себе представить, что это были за уроды! – говорил Некрасов (следовало комическое описание всего семейства). – Я думал, думал да взял всех их и описал... так что уроки мои не пропали даром..." (Успенский Н. Воспоминание о Н. А. Некрасове (письмо в редакцию). – Иллюстрированная газета, 1878, 5 февр., No 6, с. 47). Так же как и в "Карете", в рассказе "Помещик двадцати трех душ" ощущается сильное влияние "Петербургских повестей" Гоголя, особенно "Записок сумасшедшего". От стиля Гоголя идет и некрасовская манера создания комического портрета (француз

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru Бранказ, немка Шпирх, учитель Поношенский), и способ характеристики героев через выразительные фамилии. В скупой переданной биографии Супонева угадываются черты сходства с историей жизни и "благоприобретений" Чичикова.

С. 291. ...не любил так Тассо свою Элеонору, не любил так Петрарка Лауру свою...- Элеонора – сестра герцога Альфонса Феррарского, в которую был влюблен Тассо (см. о нем комментарий на с. 546). О Петрарке и Лауре – см. комментарий на с. 559.

С. 291. ...сердце мое сильнее билось при взгляде на семерку пик...- возможно, отголосок темы трех карт в "Пиковой даме" Пушкина.

С. 292. ...ради Брегета!..- А. Л. Бреге (1747-1823) – французский часовой мастер. Часы, изготовленные в его мастерской, отличались большой точностью.

С. 292. ...голова ничего не стоит ~ без головы я не могу идти к ней: неприлично!..- Ср. в повести Гоголя "Нос": "...мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично" (Гоголь, т. III, с. 56).

С. 292. ...я схватил "Маяк"...- "Маяк современного просвещения и образованности" (1840-1845), реакционный литературно-политический журнал, выходивший в Петербурге; издателем его к концу 1840 г. стал И. А. Юнгмейстер, предшественниками которого были В. П. Поляков, а затем П. А. Корсаков и С. А. Бурачок.

С. 293. Больно за человечество...- возможно, пародийный отголосок заключительных слов из монолога Гамлета: "Страшно, за человека страшно мне" (д. 3, явл. 3) – в переводе Н. А. Полевого (1837). См. также: Белинский, т. II, с. 432.

С. 295. ...надворный советник и кавалер...- чиновник седьмого класса, награжденный орденом.

С. 295. ...в семь лет схватил пять чинов...- По "Правилам о порядке производства в чины по гражданской службе", изданным 25 июня 1834 г., производство в каждый следующий чин устанавливалось строго по выслуге в предыдущем чине и осуществлялось в срок от 3 до 8 лет (Шепелев Л. Е. Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977, с. 68).

С. 295. ...выстроил на имя жены дом в Петербурге...- Ср. в стихотворении "Чиновник" (1844): "Но (на жену, как водится) в Галерной купил давно пятиэтажный дом" (наст. изд., т. I, с. 414).

С. 295. ...23 ревижеских души...- Ревизская душа – при крепостном праве единица мужского населения, подлежащая обложению подушной податью.

С. 295. ...статский советник...- чиновник пятого класса.

С. 298. ...баранью кость он грыз и весело визжал...- Ср. в поэме Лермонтова "Мцыри": "...Сырую кость Он грыз и весело визжал..." (Лермонтов, т. IV, с. 162).

С. 299. ...я проклинал, как Байрон...- См. комментарий на с. 560.

С. 300. ...сказала, что я "жантиль"...- Жантиль – милый, любезный (от франц. gentil).

С. 300. ...от "ручек" пахло свиным салом и огуречным рассолом.- Ср. в "Мертвых душах": "Чичиков подошел к ручке феодулии Ивановны, которую она почти всунула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом" (Гоголь, т. VI, с. 402).

С. 300. ...целая стая борзовщиков, доезжачих, подъезжих из псарни...- Борзовщик – псарь, управляющий сворой борзых собак, доезжачий – старший псарь, занимающийся обучением борзых и распоряжающийся ими на охоте, подъезжий – помощник доезжачего.

С. 300. ...я увидел в "Сыне отечества" первое мое стихотворение, с примечанием...- Первым опубликованным произведением Некрасова было стихотворение "Мысль" ("Сын отечества", 1838, т. V, No 10, отд. I, с. 100), оно сопровождалось примечанием

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
редакции: "Первый опыт юного, 16-летнего поэта".

С. 300. ...забуду вас, балы Американского клуба...- Американский клуб, или клуб Соединенного общества, основанный в 1783 г., находился в доме Энгельгардта на Невском проспекте у Казанского моста (ныне Невский, 30). Первоначально целью клуба была помощь бедным иностранцам, в его члены принимались крупные чиновники, купцы первой и второй гильдии.

С. 300. И вас, красотки молодые ~ По петербургской мостовой...- неточная цитата из "Евгения Онегина" Пушкина (глава 1, строфа XLIII).

С. 301....мало сказать, что на ней черт в свайку играл... Свайка - русская народная игра, состоящая в метании большого толстого гвоздя в лежащее на земле кольцо. "На роже черт в свайку играл" - говорят о рябом человеке.

С. 301. ..."съела гриб"...- См. комментарий на с. 557.

С. 302. ...мне пришли на мысль те счастливые времена невозвратной юности, когда, бывало, меня сек учитель в школе...- Ср. в поэме Некрасова "Суд" (1867):

Но живо вспомнил я тогда

Счастливой юности года,

Когда придешь, бывало, в класс

И знаешь: сечь начнут сейчас!

(наст. изд., т. III, с. 37).

С. 303. ...направление такое благонамеренное, нравственно-сатирическое...- Намек на Булгарина. В рецензии на "Очерки русских нравов..." Некрасов иронизирует над определением литературного поприща Булгарина как нравственно-юмористического (ПСС, т. IX, с. 89-94).

С. 303. Каждому в доме и в околodge была у него своя особенная кличка...- Позднее в драматическом произведении Некрасова "Осенняя скука" (1856) этот мотив найдет дальнейшее развитие.

С. 304. Светило дневное взошло превыше ели. Но мы еще досель ни крошечки не ели! - К. И. Чуковский высказал предположение, что это пародия на каламбуры Ф. А. Кони и что первый стих - отголосок пушкинской строки "Погасло дневное светило" (см. об этом: ПССТ 1934-1937, т. I, с. 601-602).

С. 304. ...у Ноя было три сына ~ был отец? - Пример аналогичного согласного грамматического суждения приводится в учебнике логики Г. К. Кизеветтера: "Кай есть отец Тита; Тит есть сын Кая" (Логика для употребления в училищах. Соч. И. Г. К. Кизеветтера. Переведено с нем. Яковом Толмачевым. СПб., 1831, с. 65). Вероятно, Некрасову был знаком этот учебник, так как он упоминается и в ранней пьесе "Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке" (1841) (наст. изд., т. VI, с. 84).

С. 305. "Абшейлих" - отвратительно (нем. abscheulich).

С. 305. У семидесяти семи мышей Много ли ног и ушей? - Текст задачи близок фольклорной загадке: "У полусемян мышей Много ли ног да ушей?" (Садовников Д. Загадки русского народа. СПб., 1901, с. 248).

С. 307. Я не лыщу дуракам и голосом бешеной собаки не кричу против тех, кто умнее и даровитее меня. Я не утверждаю, что философия - сказка...- Речь идет о О. И. Сенковском, который в своем журнале "Библиотека для чтения" поместил иронический отзыв о "Мертвых душах" Гоголя (БдЧ, 1842, т. LIII, No 8, отд. VI, с. 24-54) и часто, потворствуя обывательским вкусам, глумился над наукой.

С. 307. Я даже не хвастаю дружбою с великими людьми, которых уже нет на свете и которые при жизни называли меня негодяем.- Вероятно, намек на Ф. В. Булгарина,

Помещик двадцати трех душ. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
который много писал о своей близкой дружбе с Грибоедовым.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!